

ООН и кризис международного права

Комментарий Центра АРВАК, 10.10.2024

02.10.2024 правительство Израиля объявило Генсека ООН Антониу Гутерриша персоной нон-грата. Глава МИД Израиля Исраэль Кац официально уведомил, что Гутерришу запрещен въезд в еврейское государство. И. Кац объяснил это решение тем, что А. Гутерриш *«не выступил с безоговорочным осуждением ракетного удара Ирана»*. На своей странице в соцсети «X» глава израильского МИД написал: *«Любой, кто не может недвусмысленно осудить отвратительную атаку Ирана на Израиль, как это сделали почти все государства мира, не заслуживает того, чтобы ступить на израильскую землю»*.

Тем самым, впервые за всю историю создания ООН государство-член этой, казалось бы, самой влиятельной международной структуры применило подобные санкции в отношении ее главы. Случай беспрецедентный, о чем свидетельствует реакция как рядовых, так и ключевых стран-членов ООН, включая членов Совбеза. Спустя час после заявления Каца постпред РФ в этой всемирной организации В. Небензя на заседании Совбеза ООН назвал поступок Израиля *«хамской»* выходкой и *«пощечиной»* Совету Безопасности. Более сдержаннее по данному вопросу высказались США, однако также дали понять, что подобное поведение Тель-Авива выходит за рамки допустимых норм. Официальный представитель Госдепа США М. Миллер на брифинге для журналистов заявил, что поступок Израиля не приветствуется его главным союзником Вашингтоном: *«Мы не считаем, что этот шаг будет продуктивным в каком-либо виде»*. В свою очередь Китай также выразил поддержку А. Гутерришу, осудив поступок Тель-Авива. Со слов постпреда КНР в ООН Фу Конга, Пекин выступает против *«необоснованного решения Израиля, направленного против самого себя»*.

Со схожими обращениями уже выступили многие страны как на уровне послов в этой международной организации, так и руководителей внешнеполитических ведомств и глав государств, что свидетельствует о высокой резонансности израильской инициативы. Для международной аудитории речь шла не об обыкновенном демарше против того или иного решения ООН и не просто об осуждении ее пассивности, а об уничижительном отношении к человеку в статусе высшего представителя международной политико-правовой структуры, являющейся гарантом соблюдения и сохранения правил существующего миропорядка.

И тем не менее, было бы некорректно утверждать, что причина беспрецедентного скандала, главным образом, кроется в *«наглости и атрофированном восприятии Израилем действительности»*, в чем уже успели обвинить его некоторые непостоянные члены Совбеза ООН. Самоуверенность нынешних властей Израиля и стремление трактовать события исключительно сквозь призму собственных интересов и презумпции вседозволенности и собственной безгрешности – давно не секрет. Примечательно, что мотивы, побудившие Израиль прибегнуть к демаршу против ООН, проистекают не из «обиды» за бездействие этой структуры в ответ на палестинскую и иранскую «агрессии». Куда более важную роль сыграло чувство

безнаказанности самого еврейского государства, не испытавшего какого-либо наказания со стороны ООН за грубое нарушение норм и правил международного права в отношении тех же Ирана, Палестины и других враждебных ему международных субъектов. Даже формальный арбитраж ООН утратил всякую значимость для Тель-Авива.

Как ООН допустила падение своего авторитета до подобного уровня? Какова мера вины самой организации и ее институциональной недееспособности, сделавших возможным подобный инцидент? Ведь с объективной точки зрения, учитывая массу вопросов к деятельности ООН на международной арене, вышеназванным скандальным шагом мог отличаться отнюдь не только Израиль, но и множество других, обделенных вниманием и справедливостью международного сообщества стран. Другой вопрос, что на данный момент именно еврейское государство обладает той степенью самостоятельности и силы, которая позволяет ей «нанести пощечину» главенствующему международному институту. И речь идет не о самой организации как таковой и, тем более, не о личности ее генсека, а именно об универсальном институте международного права, системообразующим звеном которого и является ООН. Израиль, тем самым, публично озвучил ту истину, которую знали все, но предпочитали не говорить о ней вслух: международное право более не работает. Следовательно, единственным источником легитимизации интересов стран считается лишь «право силы», и именно оно способно установить новые правила и новый порядок.

«Право силы», по сути, давно является императивной нормой, формирующей глобальную геополитическую реальность, прикрывающуюся якобы действующими и универсальными для всех принципами справедливости и гуманизма. Обзор истории становления системы современного международного права позволяет выделить два основных фактора, со временем ставших ключевыми причинами кризиса, постигшего данный институт. Речь идет, во-первых, о стартовавшем после распада СССР процессе реорганизации сфер и пространств влияния в мире, который показал, что демонтаж старых и конструирование новых геополитических конфигураций невозможен в случае следования букве международного права. Во-вторых же, на фоне технологического прогресса свою весомую роль сыграла деградация ценностной системы обществ, сформировавшая новый тип социума, отличающегося приверженностью потребительству и отвержением универсальных норм морали и гуманизма. Конформизм, бездуховность и безучастность стали маркерами поведения общества, во многом предопределив соответствующую среду для новых политических воззрений и приоритетов элит. Обуявшая мир в 40-ых и 50-ых гг. 20-го века волна подъема духовности и гуманизма, приведшая к деколонизации в мире и «бонусам» для необеспеченных слоев общества, резко откатилась назад, оставив на поверхности накопившиеся за эти десятилетия противоречия и амбиции. Процесс реорганизации мирового порядка обрел различные идеологические обрамления в зависимости от глобальных игроков и их целей. Запад оперировал идеологическими концепциями «глобализации», «либерализации» мира, тогда как глобальный Восток генерировал

идеи многополярности, многообразия и сохранения культурно-цивилизационной дифференцированности мира.

При этом, несмотря на диаметрально противоположные стремления и вытекающие из них разнонаправленные практические задачи, оба полюса формально демонстрировали соблюдение международного права, закрепленного Уставом ООН и кодифицированными сводами норм и правил, признанными универсальными для всего мирного сообщества. Сама буква международного права, как ветхозаветная скрижаль, не ставилась под сомнение никем и не была подвержена редактированию, либо корректировке. Однако, вместо этого, право было подвержено повсеместному нарушению посредством его вольной интерпретации. Именно фактор вольной интерпретации международного права открыл путь акторам глобального геополитического противостояния к продвижению своих интересов в обход продекларированных норм и правил существующего миропорядка. И именно это обстоятельство стало причиной возникновения политики «двойных стандартов», свергнувшей в стагнацию институт ООН.

Бомбардировки Югославии, Ирака и Ливии, несанкционированные консенсусным решением Совбеза ООН, но осуществленные со ссылкой на всевозможные положения этой организации о защите безопасности в мире, – нонсенс, основанный на принципе *«здесь закон должен соблюдаться, там – необязательно»*. Во многом запутанность самих положений международного права и отсутствие однозначной аргументации и единой трактовки облегчил задачу субъектов–нарушителей. Устав ООН и принятые этой организацией сотни актов до настоящего времени не способствовали четкому политико-правовому разграничению понятийного аппарата в таких вопросах, как *«нерушимость границ»* и *«право на самоопределение»*, *«оккупация территорий сопредельной страны»* и *«создание буферной зоны безопасности»*, *«террористическая деятельность»* и *«вынужденная самооборона»*.

С учетом фактической размытости критериев и методики квалификации этих понятий, а также при наличии мощного политического лоббинга институт международного права в лице ООН стал схожим проблемам выносить совершенно разные оценки и практиковать выборочные подходы. Отделение Южного Судана квалифицировалось как акт реализации права на самоопределение. В то время как карабахский референдум о независимости от Азербайджана был трактован как несоответствующий нормам международного права. Вторжение РФ в Украину интерпретируется как акт агрессии и оккупации, между тем как захват Анкарой северных территорий Сирии практически приветствуется с отсылкой на императив безопасности турецких границ. Действия террористических синдикатов на Северном Кавказе преподносится в призме освободительной повстанческой войны, в противоположность чему массовые карательные действия израильтян против мирных жителей Газы интерпретируются в качестве *«масштабной антитеррористической операции»*.

Другим важнейшим показателем несостоятельности институтов международного права является отсутствие механизма безапелляционных мер для привлечения к

ответственности стран и других субъектов-нарушителей международного порядка и его правил. Практика санкций в политике ООН имеет выборочный характер, опять же с учетом внутрисистемного и внешнего лоббинга. Наиболее показательным примером кризиса в этой области являются многочисленные вердикты Международного суда в Гааге, действующего под эгидой ООН, исполнение которых тормозится, либо абсолютно игнорируется странами-ответчиками. Сам Международный суд не обладает инструментами принуждения ответчиков, однако учредившая и гарантирующая работу этой структуры Организация Объединенных Наций в состоянии и в праве инициировать санкционное давление как посредством собственных и иных структур, так и институциональных возможностей стран-членов организации. Однако это делается далеко не всегда, что ставит под вопрос не только качество работы организации и ее дееспособность, но и авторитет. Наглядным доказательством деградации алгоритмов действий ООН в логике «вина–ответственность–принуждение» может опять же послужить один из эпизодов Карабахской повестки. В феврале 2023 г. Международный суд ООН по запросу РА в рамках положений Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации обязал Азербайджан обеспечить беспрепятственное передвижение по Лачинскому коридору. Баку не только не выполнил это требование, но и ужесточил блокаду Республики Арцах, после чего осуществил ее военный захват и организовал этнические чистки на территории Нагорного Карабаха. Суд в Гааге засвидетельствовал грубое нарушение Азербайджаном международного права и своих обязательств. Реакция суда заведомо легитимизировала санкции, к которым могла бы прибегнуть ООН в рамках привлечения к ответственности Баку. Однако ООН ничего не сделала, тем самым, открыв перед Баку путь к подобным, противоречащим фундаментальным принципам международного права шагам в будущем.

Подобная тактика поведения ООН по множественным эпизодам конфликтов и всей международной проблематики в целом, дала повод практически всем субъектам–потребителям международного права в мире обвинять эту международную организацию в мягкотелости, коррумпированности и приспособленчестве.

Не вникая в подробности всех предъявляемых ООН обвинений, следует зафиксировать, что определение «*приспособленчество*», на наш взгляд, наиболее исчерпывающе отражает характер поведения и действий этой организации на международной арене. Не вызывает сомнений, что институт ООН, изначально задуманный в качестве балансира глобальных геополитических процессов, не в состоянии «оградить» свой вес и функции от прямого влияния главных игроков международной политики. ООН – структура, всецело зависимая от международной конъюнктуры и геополитического расклада сил. Но, вместе с тем, объективная реальность подсказывает, что давно запутавшаяся в клубке интересов и противоречий глобальных центров эта организация отныне не в состоянии претендовать на роль хранительницы «скрижалей» международного права. И, по сути, проблема кроется не в самой ООН, этой формальной надстройке пирамиды

прежнего мирового порядка, а в реорганизации этого самого порядка, ставшего следствием Второй мировой войны, но более не актуального в новейшей действительности.

«Скрижали» международного права редактироваться не будут, но пока мир находится в процессе поиска своей новой конфигурации и ценностной системы, это право действовать не будет. А пока в полном действии и почете лишь «право сильного», что первым открыто и бесцеремонно продемонстрировал Израиль.